

Школьная прогулка.

Это было весною, въ маѣ. Я только что возвратилась изъ Петербурга и узнала, что здѣсь безъ меня рѣшено было устроить первую въ нашей школѣ совмѣстную прогулку ученицъ и учительницъ за городъ. Говорили о какой-то складчинѣ, называли различныя предмѣстья, но ничего еще не было рѣшено окончательно. До прогулки оставалось нѣсколько дней, и я приняла въ организаціи праздника самое дѣятельное участіе. Рѣшено было итти пѣшкомъ въ Рудаковскую рощу. Эта Рудаковская роща лично для меня полна самыхъ живыхъ воспоминаній, которыми я не разъ дѣлилась съ товарищами, читая свои дневники; но она хороша, не только связанная съ этими воспоминаніями, но и сама по себѣ, въ своей грандіозной прелести, особенно весной. Десятки десятинъ стариннаго лѣса точно застыли въ своей сказочной красотѣ; яркая зелень, освѣщенная солнцемъ, манить васъ вглубь, и вы чувствуете себя въ какомъ-то заколдованномъ мірѣ...

Вотъ туда-то именно рѣшили итти мы, чтобы пить тамъ чай, пѣть пѣсни и веселиться. Но мнѣ хотѣлось внести въ этотъ праздникъ что-либо необычное, устроить сюрпризъ, и я пригласила потихоньку оркестръ духовой музыки, который долженъ былъ отправиться въ Рудаковскую рощу рано поутру и встрѣтить насъ тамъ торжественнымъ маршемъ.

Проснувшись, я прежде всего взглянула въ окно. Свинцовыя тучки бродили по сѣрому небу, догоняя одна другую и заволакивая горизонтъ; солнца не было. Мнѣ сильно взгрустнулось — сколько обманутыхъ надеждъ, сколько несбывшихся ожиданій! Образчикъ этого дѣтскаго горя былъ у меня налицо въ образѣ моей маленькой дочери Христи, которой тоже была обѣщана эта прогулка съ ея товарками и которая, взглянувъ вмѣстѣ со мною на небо, тоже опечалилась и начала роптать. Но у Христи и ея товарокъ столько еще радостей впереди — поѣздокъ въ Сокольники, совмѣстныхъ игръ, семейныхъ праздниковъ, а у этихъ маленькихъ и даже не маленькихъ дѣтей, гнѣздящихся въ душныхъ

мастерскихъ, на фабрикахъ и въ подвальныхъ этажахъ, у нихъ былъ въ перспективѣ одинъ только этотъ праздникъ, и неудача его такъ обидно несправедлива со стороны судьбы.

Опечаленная этими мыслями, я иду въ школу; а тучи все ниже и ниже спускаются надъ нами, и вотъ-вотъ хлынетъ дождь. «Ужъ, конечно, прогулка разстроена, и школьный дворъ, навѣрное, пустъ!» думаю я, подходя къ школѣ, но издали вижу уже нѣсколько фигурокъ, торчащихъ у калитки, а дворъ застаю запруженнымъ и большими и маленькими ученицами. Онѣ не только пришли сюда, но понарядились въ свои лучшія праздничныя платья и шелковые платочки; онѣ не хотятъ вѣрить дождю и, окружая меня, говорятъ весело и убѣжденно: «Христина Даниловна, не бойтесь!.. Тучи расходятся!.. Дождя не будетъ!» И въ этихъ дѣтскихъ и молодыхъ восклицаніяхъ столько задора, вѣры и силы, что, кажется, само небо не въ состояніи противостоять имъ, и я невольно начинаю думать, что дождя, дѣйствительно, можетъ не быть, и праздникъ, дѣйствительно, можетъ выйти удачнымъ. А музыка уже прошла, между тѣмъ, туда, и нѣсколько безстрашныхъ учительницъ появилось среди ученицъ. Приѣхала даже одна изъ матерей моей семейной школы съ своей маленькой дочерью, Мусинькой, и другими ея подругами. Само собою разумѣется, что эту благовоспитанную и чинную даму, не имѣющую ничего общаго со школою и народомъ, притащила сюда бѣлоголовая Мусинька; мнѣ страшно даже немножко, какъ бы не сторонилась она отъ этихъ уличныхъ дѣтей, соприкасающихся съ ея Мусинькой; но при видѣ общаго дѣтскаго веселья въ сердцѣ свѣтской женщины пробуждается то доброе, гуманное, справедливое, что таится въ зародышѣ въ душѣ каждаго человѣка, и она, умиляясь до слезъ, вспоминаетъ, что губернаторъ Косичъ, въ Саратовѣ, много говорилъ ей объ этой школѣ и что все это въ самомъ дѣлѣ трогательно. Она не боится и не стыдится, что ея Мусинька стоитъ бокъ-о-бокъ съ какой-то маленькой полуоборванной дѣвчуркой въ большихъ ботинкахъ не по ногѣ, которая пристально и съ любопытствомъ разсматриваетъ ея свѣтлыя косы и модную шапочку.

Всѣ веселы и счастливы; никто не смущенъ дождемъ, несмотря на то, что нѣсколько капель его упало уже на землю, и новая тучка заволокла послѣдній кусокъ голубой лазури, на которомъ зиждились всѣ надежды на появленіе солнца. Всѣ веселы, даже наша старенькая ученица - калѣка, которая притащилась кое-какъ на костылѣ и улыбается общей радости своимъ беззубымъ ртомъ. «А вы какъ же пойдете?» спрашиваетъ ее участливо кто-то изъ молодежи. «Да я не пойду, я только такъ пришла посмотрѣть, какъ другія веселятся!» говоритъ она, какъ бы оправдываясь, и вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что жизнь и горе не убили еще въ ней живого человѣка, и ей непреодолимо хочется принять участіе въ этомъ общемъ праздникѣ. Къ счастью, оборванный «ванько» на пѣгонькой клячѣ оказывается въ процессіи, нагруженный провизіей, и требуется кто-нибудь, кто придерживаль бы всѣ эти мѣшки и свертки. Никому изъ молодежи не хочется, очевидно, занять эту роль, ей хочется туда, впередъ — и старуху бережно подсаживаютъ и водворяютъ среди пакетовъ. Процессія двинулась длинной, длинной лентой. Впереди, чуть не бѣгомъ, летитъ маленькая семейная школа. Всѣ эти милыя личики, раскраснѣвшіеся до ушей, такъ оживлены и счастливы, какъ ни въ одной оперѣ, ни въ одномъ театрѣ, столь несвойственныхъ дѣтскому возрасту. «Впередъ! за нами!» какъ будто говорятъ онѣ этой толпѣ. И хочется вѣрить, что онѣ, дѣйствительно, скажутъ ей это позднѣе, а не вырастутъ въ кисейныхъ барышенъ, обременяющихъ землю. Какъ знать, быть-можетъ, эта самая прогулка заронила въ ихъ впечатлительную душу первое зерно симпатіи къ бѣдному, обездоленному, приниженному люду... А позади всей этой длинной вереницы тащится шажкомъ нагруженный «ванько» на своей пѣгонькой клячѣ, и старость въ образѣ сморщенного, улыбающагося лица какъ бы благословляетъ юность на дальнѣйшую жизнь и подвигъ...

Въ прошломъ году у насъ также была школьная прогулка, но она состояла только изъ однѣхъ учительницъ. Было также весело, шумно, оживленно; была и музыка и малорусскія пѣсни, но не было того, что было теперь: не было сліянія всей школьной семьи въ нѣчто цѣльное, крѣп-

кое, сильное, въ какой-то неудержимый потокъ, который съ гуломъ ворвался въ Рудаковскую рощу и моментально огласилъ ее смѣхомъ и радостью. Потокъ этотъ стремился на поляну, намѣченную для привала и отдыха; музыка гремѣла, точно звала туда, и яркія платица мелькали изъ-за зелени по всѣмъ дорожкамъ, ведущимъ къ одной цѣли. И какъ хороша была эта огромная покатая поляна, окруженная густымъ лѣсомъ со всѣхъ сторонъ! Казалось, сама природа растила и холила ее десятки лѣтъ для нашего перваго школьнаго праздника; казалось, она только была въ силахъ понять и оцѣнить всю его нравственную прелесть. Чай, музыка, танцы, пѣсни, игры, бѣготня,—все это слилось въ нѣчто цѣльное, нераздѣльное; здѣсь не было ни ученицъ, ни учительницъ, ни старшихъ, ни младшихъ,—все веселилось, шумѣло, радовалось... Какъ только замолкала музыка, на смѣну ей являлась хоровая пѣсня, такая стройная, прекрасная, могучая, точно все это было предусмотрено, слажено, точно искусный капельмейстеръ долго готовился къ ней и руководилъ многими репетиціями, точно будто этому школьному празднику предшествовала строго обдуманная и намѣченная программа. Смолкала пѣсня, и музыка вступала въ свои права. Тогда, будто по мановенію сказочнаго рога Оберона, все начинало танцовать вокругъ. Танцующія группировались въ большіе кружки; но вонъ музыка застала одну, двухъ, трехъ маленькихъ дѣвочекъ особнякомъ, вдали поляны, и, повинуясь рогу Оберона, онѣ также пляшутъ въ одиночку, чуждыя мысли, что кто-нибудь можетъ смотреть на нихъ и смѣяться.

Дождя нѣтъ, но нѣтъ и солнца. «Не къ лучшему ли это?—говоримъ мы.—Вѣдь тогда было бы слишкомъ жарко, и оно жгло бы насъ своими лучами, а теперь такъ хорошо, такъ свѣжо въ этой тѣни, точно будто погода нынѣшняго дня заказана у Бога».

Когда человѣку весело, ему кажется, что все вокругъ улыбается ему и всѣ даже неодушевленные предметы радѣютъ его радостью. Такъ было и тутъ. Вдали, на откосѣ поляны, среди зелени стояла телѣга,—обыкновенная, старая, грязная телѣга, очутившаяся здѣсь, Богъ вѣсть откуда. И

вотъ толпа, замѣтивъ ее, мигомъ впряглась въ незатѣйливый экипажъ и помчала его вокругъ поляны. Сначала въ телѣгу вскочило нѣсколько самыхъ развеселившихся дѣвочекъ, затѣмъ рѣшено было приглашать на нее и возить любимыхъ учительницъ (причемъ исключеній не оказалось) и затѣмъ толпа скрылась куда-то съ телѣгой, и значительный промежутокъ времени прошелъ до тѣхъ поръ, пока онѣ съ криками и смѣхомъ вынырнули опять среди зелени. Телѣга представляла собою движущійся цвѣтникъ полевыхъ цвѣтовъ, сопровождаемый огромными букетами въ рукахъ дѣтей и дѣвушекъ. Она быстро подвигалась ко мнѣ и не успѣла я опомниться, какъ очутилась среди цвѣтовъ и зелени майскихъ луговъ... Не знаю, дѣйствительно ли была высока телѣга, но мнѣ казалось, что я сижу высоко, высоко, на какомъ-то удивительно-почетномъ мѣстѣ. А весенніе цвѣты, между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ сыпались на меня цѣлыми душистыми букетами. Я взглянула на небо. Оно совсѣмъ почти очистилось, и солнце, вырвавшись изъ тучи, мигомъ залило яркимъ свѣтомъ и поляну, и деревья, и улыбающіяся лица дѣтей. «Христина Даниловна, прикройте голову отъ солнца!» услышала я среди громкихъ аплодисментовъ публики. Но солнце это не жгло меня,—это было солнце радости, веселья и счастья... «Былъ ли въ мірѣ экипажъ, на которомъ человѣкъ чувствовалъ бы себя болѣе гордымъ и счастливымъ, чѣмъ я на этой грязной, старой телѣгѣ?»—возникаетъ во мнѣ вопросъ при этомъ воспоминаніи, и я затрудняюсь дать на него отвѣтъ.

Въ то время, какъ я, веселая и счастливая, сидѣла уже мирно за чайнымъ столомъ, среди деревьевъ показался какой-то толстый пожилой господинъ на лошади. Онъ остановилъ поодаль своего красиваго коня, пораженный, очевидно, этой живой картиной. Господинъ былъ незнакомъ мнѣ, но въ эту минуту мнѣ хотѣлось весь міръ сдѣлать участникомъ нашего праздника. Я подошла къ нему и пригласила пить съ нами чай. Онъ просто и весело согласился на мою просьбу, и, нѣсколько минутъ спустя, я дѣлала ему уже докладъ о нашей воскресной школѣ съ одушевленіемъ, напомнившимъ мнѣ парижскую выставку.

Время близилося къ вечеру. «Пора домой!» скомандовала я. И всѣмъ было понятно, что домой, дѣйствительно, пора; но все-таки уходить не хотѣлось отсюда, и въ толпѣ раздалось нѣсколько просьбъ и протестовъ. «Христина Даниловна, останемся!—умоляли совсѣмъ маленькія дѣвочки, окруживъ меня со всѣхъ сторонъ и заглядывая мнѣ въ глаза.—Останемся еще немножко!..»—«Нельзя, дѣти, скоро стемнѣетъ,—говорила я имъ тономъ безповоротной рѣшимости.—Вѣдь вамъ предстоитъ еще длинный путь!»—«Такъ что жъ, теперь лунная ночь!» замѣтила догадливо одна изъ просительницъ. Но когда мы двинулись, оказалось, что эти самыя малютки не чувствуютъ подъ собою ногъ и не въ силахъ идти дальше. Къ счастью, я запаслась нѣсколькими извозчиками—и экипажъ каждаго изъ нихъ былъ унизанъ десятками дѣтскихъ головокъ. Только моя маленькая Христя, жаждущая, очевидно, подвига, храбро шагала впередъ своими худенькими ножками и не хотѣла сѣсть въ экипажъ, несмотря на всѣ мои просьбы. Ей была въ новинку эта длинная прогулка, а потому и казалась, вѣроятно, особенно заманчивой, заманчивѣе, чѣмъ бѣднымъ дѣтямъ на побѣгушкахъ, которымъ часто приходится дѣлать у хозяевъ длинные концы, разнося работу по всему городу. Что же снилось имъ, этимъ бѣднымъ дѣтямъ, въ эту майскую ночь? О, навѣрное, это были веселые, счастливые сны, которые рѣдко выпадаютъ имъ на долю!

Украинскій праздникъ ¹⁾).

Этотъ идейный, чисто-народный праздникъ назначенъ былъ для подростковъ 14—15 лѣтъ, но такъ какъ въ немъ принималъ участіе школьный хоръ, то присутствовали и совершенно взрослыя дѣвушки.

Еще задолго до него я объявила ученицамъ, что онѣ могутъ прійти на праздникъ въ національныхъ костюмахъ, если у кого таковыя имѣются, и, дѣйствительно, ученицы явились въ плахтахъ, спидныцахъ, въ свиткахъ, въ кор-

¹⁾ Напечатано въ «Просвѣщеніи» 28 января 1907 года.

сеткахъ, съ яркими вѣнками полевыхъ цвѣтовъ на головѣ, съ намистами и дукачами на шеѣ, въ красныхъ и черныхъ чоботахъ. Это была такая чудная, бытовая картина, въ прелести которой потонули неуклюжія юбки и кофточка, спитыя на европейскій ладъ или подаренныя съ барскаго плеча. Вечеръ начался пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ стройнымъ школьнымъ хоромъ, состоявшимъ изъ 80-ти молодыхъ, сильныхъ, пѣвучихъ голосовъ; онѣ спѣли двѣ народныхъ пѣсни: «Ой, з-за горы, з-за крутої, чом, чом не прийшов?» Пѣли онѣ стройно, прекрасно подъ управленіемъ регента — истаго малоросса. Затѣмъ выступила дивчина съ такимъ круглымъ здоровымъ, типичнымъ деревенскимъ лицомъ, что ее легко было принять за крестьянку, только что вернувшуюся съ поля, но когда она произнесла своимъ сильнымъ груднымъ голосомъ идейное малорусское стихотвореніе, когда въ нѣкоторыхъ патетическихъ мѣстахъ голосъ ея дрогнулъ глубокимъ пониманіемъ того, что говорила она, то для зрителя было ясно, что это не безграмотное, непосредственное дитя природы, а культурная, развитая дѣвушка, пламенѣющая чистой любовью къ своей угнетенной родинѣ. Съ тѣмъ же глубокимъ пониманіемъ декламировала она и второе стихотвореніе послѣ грома рукоплесканій интеллигентной публики и своихъ товарищей по школѣ. Стихотвореніе это было особенно мило и дорого ей, такъ какъ принадлежало перу ея любимой учительницы, и когда она декламировала: «А вітер, гуляючи в полі та в пишній діброві, шумів, и шумів і шумів про нові сподівання, шумів і радів, що збудилася воля, і славив її панування!..» вамъ казалось, слышался шумъ лѣса и какія-то чудныя новыя пѣсни этой молодой, энергичной души... Затѣмъ опять пѣлъ хоръ: «Ой, зійду на горку, туманъ яром», и опять вышла впередъ тонкая, какъ тополь, стройная дѣвушка и произнесла стихотвореніе О. Кониського «Сподівання». Особенно мило прозвучали у нея строки, въ которыхъ слышался отзвукъ безыскусственной ироніи:

Ми сподівались, ждали, ждали...
Ждемо й тепер... весни нема,
А перед нами і за нами
Холодна, темная зима!..

И опять смѣнили ея веселый мотивъ хора: «Ой, у полі при дорозі», а затѣмъ печальный: «Щастливому по грибы ходыты», затѣмъ изъ хора выдвинулась дѣвушка, которая съ большимъ чувствомъ и тонкимъ пониманіемъ произнесла: «Учитесь, браты моі», а за ней другая, чернобровая, съ смуглымъ энергичнымъ лицомъ, продекламировала «Кохайтесь чернобрыві», «Тече річка-невелычка»; смѣнили ея хоръ и затѣмъ стройно и медленно запѣлъ: «Ой, пье Байда медгорілочку», послѣ тяжелаго впечатлѣнія отъ этой трагической пѣсни, оканчивающейся «Як вони вірають за Україну мылу!» Точно будто для того, чтобы изгладить тяжелое впечатлѣніе отъ пѣсни, вышла румяная круглолицая дѣвочка и произнесла своимъ звучнымъ молодымъ голосомъ сельскую идиллію Шевченко: «Садок вишневый коло хаты», а за нею другая съ меланхолическимъ блѣднымъ личикомъ сказала выразительно: «На великдень, на соломі». Взрослыя дѣвушки произносили стихотворенія не только съ глубокимъ пониманіемъ, но и придавая имъ какіе-то своеобразные оттѣнки, какихъ, быть-можетъ, не придалъ бы интеллигентный человѣкъ вообще; что же касается подростковъ, то въ ихъ прекрасной декламации чувствовалась частица души учительницы, которая сдѣлала для нихъ яснымъ и смыслъ произносимаго стихотворенія, и тонкіе оттѣнки каждой отдѣльной фразы. Хоръ пропѣлъ еще нѣсколько пѣсень, и самую выразительною изъ нихъ была: «Гуцула рідная земля». Иллюзію этой пѣсни увеличивала молодая дѣвушка-учительница, большая патріотка, которая провела прошлое лѣто въ Галиціи и выдѣлялась среди другихъ малороссіянокъ своимъ типичнымъ гуцульскимъ костюмомъ.

Затѣмъ у рояля появилась настоящая заправская пѣвица съ чуднымъ обработаннымъ голосомъ и мелодично запѣла «Хусточка же моя». Восторгамъ не было границъ: здѣсь слышались и тоненькіе дѣтскіе голоса, и грудныя меццо-сопрано, и контральто, желающіе покрыть хоръ; все это кричало въ неистовомъ восторгѣ: «бисъ, бисъ», и, къ общему удовольствію этой непосредственной публики, симпатичная пѣвица запѣла: «Місяцу ясный». Ее смѣнилъ молодой человѣкъ, студентъ, съ ясными пуговицами, и только комиръ малорос-

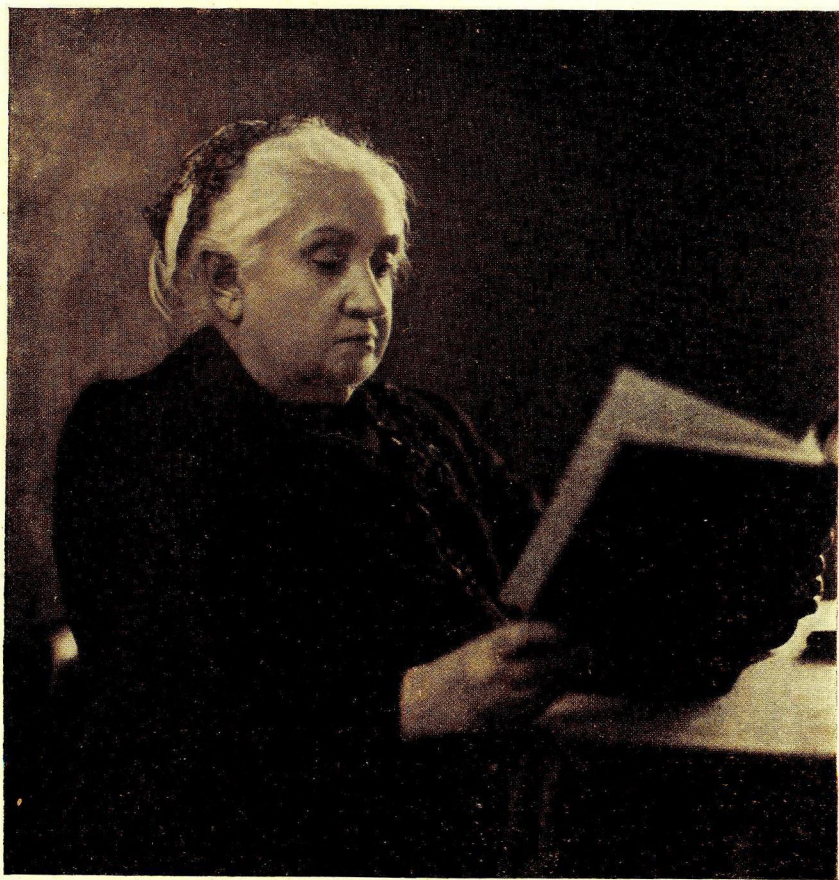
сійской сорочки напоминалъ деревню и говорилъ объ его симпатіяхъ. Это былъ чудный, сильный, бархатистый баритонъ, и когда онъ запѣлъ заунывную украинскую пѣсню, вамъ стоило закрыть глаза, чтобы эта нарядная зала, сіяющая разноцвѣтными огоньками, ушла куда-то вдаль, а на смѣну ей явилась деревня, поле и звучный голосъ деревенскаго парубка.

Когда и послѣ этой типичной пѣсни затихли, наконецъ, шумные аплодисменты, все разомъ засутилось, задвигалось, быстро исчезли куда-то стулья и скамейки, посрединѣ залы образовался большой кругъ молодыхъ дѣвушекъ, нѣсколько изъ нихъ въ украинскихъ костюмахъ вошли въ середину, и когда стройный хоръ весело запѣлъ: «Ой, чія-то хата незаметена», начался украинскій танецъ мятельця. Видно было, что это не дрессированныя танцовщицы, не барышни послѣ танцкласса у искуснаго балетмейстера, но въ этихъ простыхъ безыскусственныхъ движеніяхъ было столько природной граціи и прелести, что отъ нихъ невозможно было оторвать глазъ. Я знала біографію почти каждой изъ танцующихъ: вотъ дѣвушка съ типичнымъ малорусскимъ личикомъ, ея хорошенькая головка съ упоеніемъ откинулась назадъ, алая лента развѣвается въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ. Я знаю, она служить горничной и ведетъ себя у господъ очень сдержанно и степенно въ своемъ модномъ европейскомъ платьѣ. Молодежь называетъ ее неприступной и гордой, но тутъ ее нельзя узнать: она вся—радость, восторгъ и упоеніе. И очень можетъ быть, что, сбросивъ съ себя чуждую ей барскую одежду и очутившись въ этой деревенской сорочкѣ и плахтѣ, она вдругъ вспомнила подъ звуки родной пѣсни и свою милую деревню, гдѣ протекли ея лучшіе годы, и своихъ подругъ, и черноброваго красавца-парубка, который, быть-можетъ, не находилъ ее гордой... Увы, въ настоящее время парубокъ, принимавшій участіе въ аграрныхъ беспорядкахъ, заключенъ въ тюрьму, и только этотъ обаятельный вечеръ заставилъ дѣвушку забыть на минуту свое горе. Другая дѣвушка еще типичнѣе, ее недавно только господа привезли изъ деревни. Она долго «соромилась» и не рѣшалась итти въ кругъ, но пѣсня хора становилась съ

каждой минутой все веселѣй и задорнѣй,—дѣвичье сердце не выдержало, и я увидѣла ее въ кругу вмѣстѣ съ другими. Ея хорошенькое круглое личико озарилось улыбкой, и вся она сіяла весельемъ и счастьемъ. «Никогда въ жизни не забуду я этого праздника!» говорила она потомъ господамъ.

Хороша была и учительница въ гуцульскомъ костюмѣ: танецъ ея выдѣлялся среди другихъ веселыхъ и оживленныхъ, она танцевала медленно и граціозно. Такъ танцуютъ гуцулки въ Галиціи. Восхитительна была дѣвочка-подростокъ съ огненными черными глазами и соболиными бровями на антично-красивомъ личикѣ; мила была дѣвчурка изъ хора, которая, взобравшись на подоконникъ, чтобы лучше разсмотрѣть танцующихъ, въ какомъ-то забытѣ толкалась на одномъ мѣстѣ, не замѣчая, что на нее смотреть и смѣются окружающіе...

Трудно сказать, сколько времени длилось бы это веселье, если бы наиболѣе благоразумныя пожилыя учительницы не забили тревогу, что уже поздно и пора по домамъ. Когда ученицы, веселыя и довольныя своимъ праздникомъ, мало-по-малу покинули залъ, въ немъ неожиданно раздалось пѣніе стройнаго хора, — это пѣлъ кружокъ учительницъ, очевидно, онъ не хотѣлъ разстаться такъ скоро съ впечатлѣніями вечера, оставившаго въ душѣ ихъ глубокой слѣдъ и, быть-можетъ, въ первый разъ пробудившаго въ душѣ сознаніе, что и онѣ, нарядныя барышни, тоже украинки...

Х. Д. АЛЧЕВСКАЯ.

1912 г.

31 января 1912 г.

Глубокоуважаемый
NN!

Въ разговорѣ съ моей дочерью вы выразили интересъ къ вопросу, люблю ли я мою родину — Украину и что именно сдѣлала для нея?

Съ удовольствіемъ готова отвѣтить на этотъ вопросъ!

Начну ab ovo.

Я родилась въ Черниговской губерніи, въ уѣздномъ городкѣ Борзнѣ. Отецъ мой былъ истый малороссъ Кіевской губерніи, кормилица моя, Гапка, была большая патріотка. Она обожала свою Борзну и думала, что лучшаго города не существуетъ нигдѣ на свѣтѣ! «Свята Борзна!» говорила она обыкновенно съ чувствомъ. Она воображала также, что лучшаго и болѣе грандіознаго дома, какъ борзенскій острогъ, нигдѣ нѣтъ, и когда хотѣла похвалить какое-либо жилище, то говорила: «Гарно, як в острозі!», хотя внутри его никогда не была. Очень можетъ быть, что съ молокомъ этой Гапки я всосала любовь къ своей родинѣ Украинѣ, къ своему народу.

Но судьбѣ угодно было разлучить меня съ нею, и мнѣ было всего семь лѣтъ, когда отецъ мой получилъ назначеніе по службѣ въ Курскъ.

Тамъ прошло мое дѣтство, моя юность. Но каждый разъ, когда мнѣ говорили о Малороссіи, когда мнѣ приходилось заслушиваться украинской пѣсней, когда я слышала декламацию украинскаго стихотворенія, меня охватывало какое-то особенное чувство, и я повторяла мысленно: «Боже мой, если бы судьба забросила меня въ эту поэтическую, родную мнѣ страну!...»

Мечта моя осуществилась: въ 21 годъ, выйдя замужъ за истаго украинца, я очутилась въ Харьковѣ, въ украинскомъ кружкѣ «Громадѣ», состоявшемъ изъ 80 человѣкъ студентовъ и семинаристовъ, во главѣ котораго стоялъ мой мужъ. Здѣсь я услыхала чудныя украинскія пѣсни, услыхала родную украинскую рѣчь, познакомилась съ пылкими стремленіями этой идейной молодежи, желавшей сблизиться со своимъ народомъ, сдѣлать его грамотнымъ, приобщить къ цивилизованному міру. Молодежь эта не только пѣла свои чудныя пѣсни, стараясь закрѣпить ихъ въ сознаніи народа, не только собиралась для обсужденія того, какой именно путь избрать для достиженія этихъ цѣлей, но и составляла брошюры литературнаго и научнаго содержанія, которыя назывались у насъ «метелики». Эти маленькія разноцвѣтныя книжечки разлетались, дѣйствительно, какъ мотыльки, въ отдаленные углы Украйны и читались нарасхватъ и людьми интеллигентными, которые сочувствовали этому движенію, и тѣми народными грамотеями, которые—увы—рѣдко тогда встрѣчались въ народѣ.

Со всѣмъ пыломъ молодости я отдалась этому движенію и съ жаромъ принялась за изученіе украинскаго языка. Пѣснямъ я научилась быстро, и мой молодой, звучный голосъ ярко выдѣлялся среди большого мужского хора.

Въ этомъ украинскомъ кружкѣ было немало выдающихся людей, прославившихся впослѣдствіи въ литературѣ, какъ, на примѣръ, поэтъ Мова, Нардега и др.

Залетали къ намъ и заѣзжіе гости: Кулишъ, Стороженко, Рыльскій изъ Кіева и профессоръ Пулюй изъ Галиціи. Это вызывало еще большее оживленіе нашего и безъ того оживленнаго кружка, еще больше подымало духъ.

Умный и даровитый Кулишъ поразилъ меня своей красотой. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ правильнымъ выразительнымъ лицомъ, съ умными глубокими глазами, съ темными «вусами», напоминавшими картины типичныхъ запорожцевъ. А когда онъ начиналъ говорить, эти глубокіе глаза оживлялись какимъ-то затаеннымъ огнемъ, и весь онъ казался не просто человѣкомъ, а героемъ, выхваченнымъ изъ историческаго романа.

Что касается Стороженко, то онъ удивительно читалъ свои произведенія, особенно юмористическія, и когда онъ читалъ у насъ свои «Вуси», громкій смѣхъ стоялъ въ комнатѣ.

Но, кажется, самое большее впечатлѣніе произвелъ на меня профессоръ Пулуй. До его появленія въ «Громадѣ» я слыхала разговоры нашихъ громадянъ обыкновенно на житейскія темы, слыхала простой народъ съ его звучнымъ, поэтическимъ, простымъ языкомъ, но вообразить себѣ профессора съ чисто-научной рѣчью, говорящаго на высокія темы, я никакъ не могла и слушала его съ какимъ-то благоговѣніемъ. Этому чувству благоговѣнія способствовало, быть-можетъ, и то обстоятельство, что, проведя молодость въ ретроградномъ городѣ — Курскѣ, гдѣ книги продавались только въ игрушечныхъ лавкахъ, я никогда не встрѣчала профессора, и, очутившись въ Харьковѣ, восторженная и увлекающаяся, говорила умоляющимъ тономъ: «Бога ради, покажите мнѣ профессора!», и мнѣ показали кумира нашего кружка — профессора Потební, съ античнымъ, точно выточеннымъ профилемъ, съ свѣтлыми золотистыми волосами, съ какимъ-то вдохновеннымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Онъ привлекалъ къ себѣ самыя горячія симпатіи молодежи, и когда говорилъ намъ объ историческомъ прошломъ нашей родины, о нашей цѣснѣ, о нашей поэзіи и призывалъ насъ къ изученію ея, къ любви къ ней, мы восторженно слушали его цѣлыми часами, и я увѣрена, что каждый изъ насъ клялся въ душѣ въ эти минуты посвятить этой родинѣ всѣ свои силы, отдать ей всю жизнь.

Единственная тогда женщина, посвятившая себя этому движенію въ Харьковѣ, была я, — и я пользовалась горячими симпатіями этой молодежи. Такъ, напримѣръ, поэтъ Мова посвятилъ мнѣ слѣдующее прекрасное стихотвореніе:

І я кохаю вас, голубко,
Та не за очі й не за губки,
Не за приваби за ласні,
Що іншихъ манять і в вісні,
Не як мету свого жадання
Таємнихъ мрій і погадання,
А як народу свою жінку,
Привітну й щиру Українку,

Кохаю, пані, вас за те я,
Що серце ваше молодее
З народнім серцем рівно б'ється,
Од його радощів сміється,
Його уразуми болить,
Його жадобою горить,
І кожний токіт його чує...
Кохаю, пані, васъ за те,
Що все, що людові святе:
Його одвичній надії,
Його святі і чисті мрії,
Умісті й ваші...

Мова.

Время украинскаго движенія 60-хъ годовъ совпало съ увлеченіємъ интеллигенціи воскресными школами; и я пошла туда. Въ нихъ учили, конечно, по-руски, и только моей обширной группѣ ученицъ я раздала грамотку Кулиша и начала учить по-украински.

Какъ видите, въ этомъ описанномъ мною движеніи не было ничего антиправительственнаго, но мало-по-малу оно начало обращать на себя вниманіе кого слѣдуетъ, возникли подозрѣнія, начались преслѣдованія; даже украинскій костюмъ считался нелегальнымъ, и его запрещали носить на улицѣ. У одного моего стариннаго знакомаго существуетъ фотографія, на которой изображенъ возъ, запряженный волами, и на возу сидитъ молодица въ бѣлой свитѣ и парчевомъ очипкѣ на головѣ. Это была я.

Но когда передо мною возникъ тогда грозный вопросъ, хочу ли я «наперекоръ стихіямъ» упрямо стоять на своемъ и учить свой народъ, во что бы то ни стало, на родномъ языкѣ, или, идя легальнымъ путемъ, видѣть его просвѣщеннымъ, я, послѣ недолгихъ колебаній, трезво избрала второй путь и прослужила ему всю мою жизнь.

«Ренегатка!» восклицали иные изъ узкихъ патріотовъ, но я твердо шла намѣченнымъ путемъ. Однако бывали случаи, когда я расходилась во взглядахъ съ людьми, которыхъ глубоко уважала и которымъ горячо симпатизировала, какъ людямъ даровитымъ, фанатически любящимъ свой народъ, — таковъ былъ Б. Д. Гринченко. Когда мы купили имѣніе въ Екатеринославской губерніи, я устроила тамъ народную

школу и мечтала объ идейномъ учителѣ. Мнѣ указали на поэта Гринченку, и, въ самомъ дѣлѣ, это былъ человѣкъ обаятельный. Деревенскій людъ горячо полюбилъ его, дѣти бѣжали въ школу, какъ на праздникъ, и дѣло шло прекрасно. Ему помогала его идейная жена, всѣмъ сердцемъ раздѣлявшая симпатіи мужа. У нихъ была маленькая, умненькая, очаровательная дѣвочка Натка, семи лѣтъ, не говорившая ни слова по-русски, одѣтая въ деревенскую, холщевую, мереженную сорочку и деревенскую спидничку, босенькая и стриженная по-деревенски. Это была очень остроумная дѣвочка и, глядя на наши роскошные завтраки и обѣды, говорила отцу: «И шо то за пани? Усе їдять, усе пють, усе їдять, усе пють!» Мы очень любили ее, и она проводила у насъ въ саду цѣлые дни вмѣстѣ съ моею дочерью Христей.

Говорять, что у каждого человѣка бываетъ свой пунктъ помѣшательства. Моимъ пунктомъ являлась мысль обучить какъ можно больше *женщинъ* грамотѣ. Мнѣ казалось всегда, что мужчины гораздо счастливѣе въ этомъ направленіи. Что же касается женщины, то предразсудокъ противъ ея образованія живетъ, начиная съ хаты и кончая палатами. Когда я была ребенкомъ и къ моимъ братьямъ пригласили учителя, отецъ мой находилъ совершенно излишнимъ учить меня, дѣвочку, грамотѣ. Между тѣмъ, мнѣ такъ страстно хотѣлось быть грамотной, что я научилась читать, подслушивая у дверей уроки братьевъ, и читала раньше и лучше, чѣмъ они. Стремленіе это чувствовалось мною, конечно, и въ деревнѣ при открытіи школы, и когда я уѣзжала на три мѣсяца за границу, въ ней было нѣсколько дѣвочекъ, «первыхъ ученыхъ женщинъ въ деревнѣ», какъ, шутя, называли мы ихъ. До этого въ Славяносербскомъ уѣздѣ ни въ одной школѣ не было ни единой дѣвочки, и когда пришлось раздавать свидѣтельства и похвальные листы, они напечатаны были только для мальчиковъ, такъ что я посылала въ Харьковъ, чтобы заказать ихъ.

Возвращаясь изъ-за границы, вхожу въ школу и не вижу ни одной дѣвочки; оказывается, что Б. Д. не сдѣлалъ новаго приѣма, находя, что не слѣдуетъ калѣбчить украинскую жен-

щину обученіемъ на чуждомъ ей великорусскомъ языкѣ. Это было причиною того, что мы разстались съ нимъ, хотя отношенія наши до конца его жизни не переставали быть доброжелательными.

Между тѣмъ, увлеченія мои всею украинскимъ были тоже очень сильны. Расскажу для иллюстраціи изъ моей ранней молодости слѣдующій случай: въ Харьковѣ существовалъ не только украинскій кружокъ, но и великорусскій, находившійся въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ «хохлами». Въ немъ были тѣ же пѣсни, конечно, великорусскія, тѣ же собранія, тѣ же стремленія итти въ народъ. У нихъ были тоже таланты, и во главѣ кружка стоялъ чрезвычайно выдающійся человекъ, съ превосходнымъ голосомъ, Юрьевъ.

Бывали, какъ и теперь, спектакли и концерты въ театрахъ и общественныхъ собраніяхъ.

И вотъ однажды былъ назначенъ концертъ—состязаніе, какъ называли его, въ которомъ долженъ былъ выступить украинскій грандіозный хоръ и русскій. Мнѣ казалось тогда, что на этомъ состязаніи рѣшается судьба Малороссіи, и когда взвился занавѣсъ, у меня замерло сердце. Передъ глазами нашими открылась чудная картина: на фонѣ лѣса стояло 80—90 человекъ въ типичныхъ украинскихъ костюмахъ, съ чисто украинскимъ типомъ. Дирижировалъ ими извѣстный дирижеръ—чехъ Паличекъ. Хоръ началъ тихо и стройно:

„Гомін, гомін по діброві
Туман поле покриває“...

Это было такъ чудесно, что какая-то священная тишина охватила весь зрительный залъ.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней, не нарушая этой священной тишины. Казалось, все прислушивается и не смѣютъ нарушить ни единымъ звукомъ этихъ грустныхъ, поэтическихъ народныхъ пѣсень, въ которыхъ вылилась вся душа народа. Наконецъ первое отдѣленіе было окончено. Послышались сдержанные аплодисменты, но я ожидала не того,—я ожидала, что это будетъ цѣлая буря восторга, цѣлый громъ рукоплесканій, но его не было. Когда подымался занавѣсъ, хоръ какъ-то сконфуженно снималъ свои барашковые шапки и сдержанно кланялся.

Послѣ небольшого антракта занавѣсъ опять взвился, и взору нашему представилась другая картина: декорація изображала просторное поле, теряющееся вдали, и только одна береза выступала въ этой шири, ближе къ публикѣ. Человѣкъ 40 — 50 русскихъ мужиковъ (студентовъ) въ лаптяхъ, бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ, подвязанныхъ бечевой, въ русскихъ шапкахъ, съ задорными перышками на боку, непринужденно, мужицкой походкой появились на сценѣ. Въ центрѣ ихъ былъ, конечно, Юрьевъ, со своимъ типично-русскимъ лицомъ —

„Во полѣ березонька стояла,
Во полѣ кудрявая стояла“...

затянулъ онъ своимъ удивительнымъ теноромъ, забросивъ голову со свѣтлыми кудрями назадъ, —

„Ай люли стояла,
Ай да люли стояла“...

подхватилъ громкій, стройный хоръ.

Публика, очевидно, была въ восторгѣ, выражая его неистовыми криками «браво», «bis», и побѣда была для меня очевидна.

Пѣсня слѣдовала за пѣсней — удалая, разгульная русская пѣсня. Мужики въ лаптяхъ подплясывали и прихлопывали въ ладоши, и, казалось, весь театръ готовъ былъ подплясывать и прихлопывать.

Я чувствовала, что все для меня въ жизни кончено. Съ трудомъ удерживая подступавшія къ горлу рыданія, я уѣхала домой и не могла заснуть всю ночь. На другой день окружающіе мои съ удивленіемъ замѣтили на моихъ черныхъ, какъ смоль, волосахъ нѣсколько прядей серебряныхъ волосъ....

Теперь я неспособна, конечно, къ такимъ сильнымъ ощущеніямъ, но украинская пѣсня попрежнему мила и дорога мнѣ; пѣсню эту въ продолженіе 50 лѣтъ поетъ моя школа, и ее не вытѣснила ни фабричная, ни солдатская пѣсня, ни сентиментальные барскіе романсы.

И если вамъ придется когда-нибудь лѣтнимъ тихимъ вечеромъ, по окончаніи занятій рабочаго люда, гулять по

окраинамъ Харькова и слышать гармоничный женскій хоръ, поющій одну за другою родныя пѣсни, и если вы, подойдя къ нему, спросите: «кто научилъ васъ такому стройному пѣнію?» вы навѣрно получите въ отвѣтъ: «мы ученицы воскресной школы!..»

Впрочемъ, пѣсня эта, помимо школы, проникла не только въ окраины города, но и въ село.

Лѣтомъ мы жили обыкновенно на дачѣ, въ деревнѣ Григоровкѣ, близъ Харькова. Къ намъ вечерами собиралась вся «Громада». И вотъ нерѣдко въ Григоровскомъ лѣсу можно было наблюдать такую картину: на огромной полянѣ, окруженной деревьями, вокругъ пылающаго костра, сидѣло до 80 человѣкъ молодежи, въ украинской одеждѣ, и лѣсное эхо далеко разносило украинскую пѣсню, а поодаль за деревьями, какъ бы прячась отъ незнакомыхъ людей, стояли группами парубки и дивчата и жадно вслушивались, затаивъ дыханіе, въ родныя пѣсни. Я обыкновенно наблюдаю народъ, такъ какъ живо интересуюсь имъ, а потому очень хорошо видала и слышала, какъ мало-по-малу украинская пѣсня вытѣсняла фабричную, которую занесли сюда дивчата, работавшія на мойкахъ, и парубки, служившіе на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Такимъ образомъ къ концу лѣта почти не слышно было этихъ безобразныхъ пѣсень, а всюду царили украинскія.

Я не пишу больше «метеликівъ», но Шевченко играетъ почетную роль въ нашей школѣ, и многія ученицы декламируютъ его такъ, какъ не декламируютъ подчасъ и заправскіе актеры. Среди нашихъ школьныхъ веселыхъ праздниковъ дано мѣсто и украинскимъ танцамъ, такимъ поэтическимъ и граціознымъ, по сравненію съ кадрилими и польками, неуклюже танцуемыми ученицами, не бывшими въ наукѣ у танцмейстера.

Я не ношу теперь очипка и бѣлой свитки, но очень люблю украинскій костюмъ на нашихъ милыхъ дивчатахъ-ученицахъ, не стыдящихся его и въ городской деморализующей обстановкѣ.

Послѣднимъ, только что состоявшимся актомъ, говорящимъ о любви моей къ родинѣ, является, между прочимъ,

слѣдующее обстоятельство: кромѣ воскресной школы, я состою попечительницей одного изъ городскихъ училищъ, и годъ тому назадъ начала свои хлопоты о томъ, чтобы училищу этому присвоить имя Шевченко. На-дняхъ я получила на то разрѣшеніе. Такимъ образомъ, если не ошибаюсь, это первая школа въ Россіи, наименованная дорогомъ для насъ именемъ, и я мечтаю о томъ, какъ введу въ нее родную пѣсню и поэзію.

Вотъ все то небольшое, что я сдѣлала въ жизни для своей родины, для своего народа. Не знаю, удостовѣрить ли оно васъ въ моей любви къ нему.

Въ томъ же духѣ любви къ Украинѣ воспитывала я и своихъ дѣтей и, кажется, успѣла въ этомъ.

Три дня въ Полтавѣ.¹⁾

Вѣсть объ открытіи памятника украинскому поэту Котляревскому облетѣла всю Россію. Дошла она и до Чернаго моря, гдѣ счастливые обитатели южнаго берега наслаждались, глядя на свѣтлое небо, на синее море, на лунныя ночи и янтарный виноградъ, который только что созрѣлъ и красовался на солнцѣ. Но, несмотря на всю эту чарующую обстановку, насъ потянуло туда, на Украину, къ «біленькымъ хаткамъ» и «вишневымъ садкамъ», гдѣ чествовали память пѣвца нашей родины, гдѣ ставили ему монументъ. Между тѣмъ, слухи носились самые неблагопріятные: говорили, что Полтава ни въ какомъ случаѣ не можетъ вмѣстить въ себѣ того количества людей, которые соберутся туда: что къ намъ думаетъ нагрянуть чуть ли не вся Галиція, что со всѣхъ концовъ Россіи ѣдутъ депутаты, и многимъ придется жить подъ открытымъ небомъ, но мы не утрашили такой перспективы и 29 августа пріѣхали въ Полтаву. Дѣйствительно, въ ней было все переполнено, но счастливый случай помогъ намъ занять прекрасный номеръ въ Европейской гостиницѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ каждый невольно чувствовалъ какое-то особенное настроеніе, царившее въ Полтавѣ. Не успѣли мы войти въ номеръ, какъ учтивый офиціантъ сказалъ озабоченно: «Если вамъ, сударыня, требуется что-нибудь купить, то не угодно ли вамъ похлопотать объ этомъ сегодня, такъ какъ по случаю открытія памятника Котляревскому всѣ лавки, магазины и даже маленькія лавочки будутъ заперты три дня». Дѣйствительно, на другой день

¹⁾ „Южный Край“ 8 сент. 1903 г.

все абсолютно было закрыто, и густая толпа народа направляясь къ кладбищу вмѣстѣ съ экипажами официальныхъ лицъ въ расшитыхъ мундирахъ и нарядныхъ барышень и барынь. Еще издали видно было, какъ публика стояла шпалерами у вратъ церкви, и какая-то простая деревенская женщина, воодушевленная, видимо, общимъ энтузіазмомъ, энергично устилала путь зеленой осокой въ ожиданіи пріѣзда архіерея. Полицейскіе хотѣли было воспретить ей это, но публика дружно заступилась за эту экзальтированную особу, и она восторженно продолжала начатое дѣло. Но вотъ пріѣхалъ и самъ владыка; стройный хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ его появленіе, и толпа медленно и торжественно двинулась къ могилѣ Котляревскаго. Первое, что привлекло наше вниманіе, это была надпись на памятникѣ:

„Будеш, батьку, панувати,
Поки живуть люде;
Поки сонце з неба сяє,
Тебе не забудуть“...

Шевченко.

(На вічну пам'ять Котляревському).

Затѣмъ надъ головами толпы чиновные и нечиновные люди проносили роскошные вѣнки. Широкія ленты на этихъ вѣнкахъ развѣвались въ воздухѣ и привлекали взоры публики. Надписи были попреимуществу на малороссійскомъ языкѣ, но прочесть ихъ было трудно, и мы услышали ихъ позднѣе на площади при открытіи памятника. Толпа молча прослушала торжественную панихиду, точно будто всю ее поголовно охватило благоговѣйное чувство. Голоса пѣвчихъ раздавались въ воздухѣ съ удивительной ясностью. Особенно хорошъ былъ сильный и пріятный дискантъ, который казался соловьемъ среди общаго хора другихъ голосовъ. По окончаніи панихиды архіерей произнесъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ. Онъ говорилъ о Котляревскомъ, какъ о замѣчательномъ писателѣ, человѣкѣ и гражданинѣ, желалъ, чтобы и послѣдующія поколѣнія явились достойными этого замѣчательнаго человѣка, такъ же любили свою родину, такъ же прославили ее и чтобы на ихъ могилѣ такъ же собрались, какъ теперь, люди, которые благоговѣйно помянули бы ихъ память добрымъ словомъ.

«Спасыбі», послышалось тихо въ толпѣ, и она стройно двинулась на площадь, гдѣ стоялъ памятникъ, покрытый бѣлою пеленою. Здѣсь толпа какъ будто удвоилась: къ ней присоединились и старые и малые, которые, вѣроятно, оставались дома, и площадь настолько заполнилась, что оттиснула цѣпь казаковъ; всѣ крыши ближайшихъ домовъ были усеяны народомъ, и, когда покрывало было сорвано съ памятника, раздались оглушительные возгласы въ первый моментъ за оградой, а затѣмъ точно громъ прогремѣла на площади, на улицѣ, на крышахъ. «Слава!» прокатилось въ толпѣ и, какъ эхо, отдалось издали. Вся толпа слилась въ дружномъ восторгѣ. Въ эту минуту значеніе Котляревскаго поняли инстинктивно даже тѣ, кто не слышалъ прежде его имени. На подмостки памятника взмошелъ украинскій поэтъ, его прекрасное лицо дышало вдохновеніемъ, и сильный грудной голосъ произнесъ громко надпись на первомъ вѣнкѣ: «Борцѣві на ныві народній». — «Слава!» прокатилось по толпѣ съ удвоенной силой. Онъ высоко поднималъ въ воздухѣ роскошные вѣнки и читалъ на развѣвającychся лентахъ, сине-желтаго цвѣта (національные цвѣта Галиціи): «Українсько-руське товариство «Бесіда» у Львові Івану Котляревському, творцеві народної драми», «Товариство «Просьвіта» — народному просвітникові», «Від академічної Громади з Галичини —

„Будеш, батьку, панувати
Поки живуть люде;
Поки сонце з неба сяє,
Тебе не забудуть“.

«Редакція «Поступу» в Коламі — Котляревському», «Редакція «Діло», у Львові — первоначальнику українського відродження», отъ «Товариства українських дівчат», Котляревському отъ малорусскихъ писателей изъ Кіева съ надписью: «Українські письменники — їм до нового всесвітнього життя збудив рідне слово».

Размѣры статьи не позволяютъ намъ привести здѣсь надписей всѣхъ возложенныхъ на памятникъ вѣнковъ, такъ какъ ихъ было многое множество. Каждая надпись встрѣчалась новымъ громомъ рукоплесканій, и толпа долго,

долго не расходилась по домамъ, точно будто ждала еще чего-то, точно будто этотъ памятникъ соединилъ ее воедино.

Не успѣли мы отдохнуть отъ сильныхъ впечатлѣній утра, какъ наступило торжественное думское засѣданіе вечеромъ. Впрочемъ, въ промежуткѣ каждому предстояло пообѣдать, и всѣ, точно сговорившись, собрались на террасѣ Европейской гостиницы. Наскоро составлены были всѣ столы, имѣвшіеся налицо, но въ стульяхъ оказался недостатокъ, такъ какъ никто не ожидалъ такого наплыва публики, и ихъ пришлось переносить изъ номеровъ. Здѣсь былъ и представитель Галиціи въ австрійскомъ парламентѣ депутатъ Романчукъ, и профессоръ львовскаго университета докторъ Студинскій, и выдающійся молодой галицкій писатель-новеллистъ Василь Стефаныкъ, и поэтесса Леся Украинка, и наши выдающіеся украинскіе художники, артисты и дѣятели. Обѣдъ былъ въ высшей степени оживленъ. Всѣ знакомились другъ съ другомъ, узнавая въ собравшихся любимыя имена: всѣ были веселы, разговорчивы, бодры, произносили рѣчи и тосты на родномъ языкѣ.

Вечернее засѣданіе думы въ Гоголевскомъ театрѣ было переполнено публикой. Думскіе дѣятели и делегаты засѣдали на сценѣ въ полномъ своемъ составѣ. Здѣсь мы скажемъ только нѣсколько словъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвели на насъ наши галицкіе гости. Первымъ изъ нихъ говорилъ депутатъ Галиціи въ австрійскомъ рейхсратѣ Романчукъ, привѣтствовавшій Полтаву отъ имени львовскаго Общества «Просвѣта». Передъ нами стоялъ энергичный старикъ съ такимъ умнымъ, благообразнымъ лицомъ, какія встрѣчаются иногда на старинныхъ портретахъ. Онъ говорилъ такъ плавно, съ такой энергіей и достоинствомъ, что публика притаила дыханіе и слушала его, какъ слушаютъ знаменитыхъ пѣвцовъ. Громъ рукоплесканій покрылъ его рѣчь, полную симпатіи къ Украинѣ и къ знаменитому виновнику торжества. Рѣчь свою онъ произносилъ по-малорусски, и это, кажется, вызвало особенный восторгъ въ наэлектризованной публикѣ. Вообще, украинская рѣчь слышалась отовсюду, и даже къ официальнымъ лицамъ публика обращалась на родномъ языкѣ. Вслѣдъ за Роман-

чукомъ вышелъ на кафедру профессоръ львовскаго университета Студинскій. Это—истый энтузіастъ, и самая его наружность, съ блестящими черными глазами и выразительнымъ лицомъ, производила уже благопріятное впечатлѣніе. Но когда онъ заговорилъ на прекрасномъ малорусскомъ языкѣ, рѣчь его была полна такой энергіи, что точно электрическая искра пробѣжала по толпѣ. Онъ сравнивалъ Украину съ орломъ, который учитъ летать своихъ дѣтенышей все выше и выше, до самаго солнца, и закончилъ свою рѣчь словами: «До свѣта!! до сонця!!» Даровитый ораторъ самъ походилъ въ эту минуту на орла.

Вслѣдъ за произнесеніемъ рѣчей на русскомъ языкѣ отъ общественныхъ учрежденій на кафедру взошла молоденькая дѣвушка — украинская поэтесса, долженствовавшая произнести стихотвореніе на малорусскомъ языкѣ. Не успѣла она сказать нѣсколько словъ, какъ была прервана замѣчаніемъ городского головы, что онъ не въ правѣ разрѣшить русскимъ гражданамъ произнесеніе рѣчей иначе какъ по-русски и, если это будетъ продолжаться, онъ вынужденъ будетъ закрыть засѣданіе. Вслѣдъ за этимъ произошло нѣчто, что въ газетахъ называютъ инцидентомъ и о чемъ толкуютъ всюду вкривь и вкось. Между тѣмъ, это «нѣчто» было слѣдующее. Публика — и старики и молодые — безшумно поднялась со своихъ мѣстъ. Въ залѣ прозвучало восклицаніе: «Українці, до дому!» и толпа покинула театръ и разошлась по домамъ. Впрочемъ, часть публики, человѣкъ полтора-двѣсти, отправились ужинать въ одинъ изъ мѣстныхъ садовъ. Когда все это огромное общество усѣлось по мѣстамъ, молодой галичанинъ занялъ центральное мѣсто и весело заявилъ, что необходимо отдохнуть отъ серьезныхъ занятій и повеселиться. Онъ предложилъ устроить Кнеірр на нѣмецкій ладъ и, наполнивши бокалы пѣнившимся пивомъ, началъ остроумнѣйшую, шутливую рѣчь; ему отвѣчали съ неменьшимъ остроуміемъ его vis-à-vis. Когда они замолкли, на сцену явился третій молодой человекъ — галичанинъ, дирижирующий хоромъ. Чудные сильные голоса выразительно исполняли лирическія малорусскія пѣсни, и по окончаніи этого веселаго ужина всѣ разошлись

въ самомъ прекрасномъ душевномъ настроеніи. Чѣмъ-то бодрѣе, юнымъ вѣяло отъ этого молодого веселья.

На другой день всѣ стремились въ то же просвѣтительное зданіе имени Гоголя на «литературно-музыкальное утро, посвященное памяти славнаго украинскаго поэта И. П. Котляревскаго по случаю открытія памятника», какъ значилось въ афишахъ. Утро прошло прекрасно. Кантата «На вѣчну память Котляревському», — слова Шевченки, музыка Лысенки — обставлена была необычайно эффектно. Огромный хоръ въ полтораста человѣкъ былъ одѣтъ въ самые разнообразные малороссійскіе костюмы. Здѣсь были и маленькіе «хлопчики» современной намъ жизни, и парубки, щеголевато одѣтые въ синія чинарки, и люди болѣе зрѣлаго возраста въ старинныхъ красныхъ жупанахъ, и типичныя «дивчата» въ плахахъ, запасахъ, съ вѣнками на головѣ. Это была огромная, художественная картина, отъ которой невозможно было оторвать глазъ. Хоръ подъ управленіемъ талантливаго композитора съ удивительной стройностью и выразительными оттѣнками, исполнялъ съ энтузіазмомъ родныя пѣсни. Но ни одна изъ нихъ не произвела такого сильнаго впечатлѣнія и не вызвала такихъ бурныхъ аплодисментовъ, какъ:

Гей не дивуйте та добріі люде...

Между утромъ и вечеромъ насъ опять ожидалъ оживленный обѣдъ въ Европейской гостиницѣ, на которомъ мы не досчитывались, однако, нашихъ заграничныхъ гостей; они должны были присутствовать на официальномъ обѣдѣ, который давалъ имъ городъ. Это не мѣшало, однако, общему веселому настроенію, такъ какъ всѣ ближе перезнакомились другъ съ другомъ и чувствовали себя прекрасно. Вечеромъ шла «Наталка-Полтавка» съ Кропивницкимъ, Садовскимъ и Карпенко-Карымъ, которые на этотъ разъ исполняли свои роли съ какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ и художественностью. Недоставало только нашей талантливой Заньковецкой, о чемъ мы искренно пожалѣли.

«Наталка-Полтавка» смотрѣлась нами точно новая пьеса, заставившая насъ пережить еще разъ всѣ красоты художественнаго таланта Котляревскаго.

На третій день мы отправились въ ту мѣстность, гдѣ жилъ Котляревскій, и глазамъ нашимъ представилась чудная картина: на высокомъ холмѣ пріютился небольшой домикъ, а у подножія его разстилалась широкая равнина, протекала сверкающей лентой рѣка Ворскла, и зеленый лѣсъ манилъ своей прохладой.

Вечеромъ мы поѣхали на Шведскую могилу. Кругомъ было тихо и безмолвно. Огромный гранитный крестъ вырисовывался на звѣздномъ небѣ, какъ будто придавливалъ къ землѣ своею тяжестью высокую скалу. Эта мрачная могила навѣвала невольную грусть, но грусть эта тонула въ морѣ свѣтлыхъ впечатлѣній пережитыхъ трехъ дней, и ярче всего вставали въ воображеніи слова галиційскаго оратора:

„До світла! до сонця!“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Изъ Дневника 1871—72 года	5
Письмо къ И—ой	39
Раненые въ Харьковѣ. (Изъ Дневника во время Турецкой войны) . .	43
Встрѣчи: О. М. Достоевскій	63
И. С. Тургеневъ.	92
Л. Толстой	103
Глѣбъ Успенскій	118
Школьный дневникъ 1878 года	127
Деревенскіе очерки.	163
Опять въ деревнѣ	191
Исторія открытія школы въ деревнѣ Алексѣевкѣ	201
Отрывки изъ дневника за разные годы	226
О выходѣ II тома „Что читать народу“	263
Нѣсколько дней въ Москвѣ въ ноябрѣ 1892 года	272
Парижская всемірная выставка 1889 года	285
Изъ дневника. (Посвящается памяти Н. А. Варгунина).	407
Памяти Е. И. Цвѣтковой	420
Школьные праздники: Три елки	429
Рождественскій праздникъ	437
Школьная прогулка.	441
Украинскій праздникъ	446
Письмо къ NN.	451
Три дня въ Полтавѣ	460

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА
Харків

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХНУ
№ 243779

